

НА ХАРЬКОВСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

Воспоминания Л. Ренна *

Я предполагаю, что официальные речи, произнесенные на Международной конференции писателей в 1930 г. в Харькове, сохранились. Но, может быть, менее известно то, что происходило за ее кулисами. Об этом мне и хочется кое-что рассказать, причем я не могу ручаться, что моя память ничего не спутала. Все-таки с тех пор прошло более тридцати лет.

Самой большой группой писателей, прибывших из капиталистических стран, была немецкая. Так как я раньше приехал в Москву, то я стоял на перроне, чтобы встретить немецких писателей; вместе со мной их встречали члены Международного объединения революционных писателей и делегации советских писателей. Для этой встречи я надел серо-синюю форму Союза красных фронтовиков и оказался ярким пятном среди штатских, одетых в черное или серое. За ними стояла в парадной форме рота почетного караула Красной Армии. Мне было интересно, как себя будут вести наши писатели перед этим почетным караулом. Я был наверняка единственным, который уже видел, как это делают главы государств и другие важные персоны. Они шагают держа цилиндр в руке, с чопорным выражением лица вдоль фронта и затем легким наклоном головы благодарят командира.

Поезд медленно приближался к перрону. Из окон длинного спального вагона высывались и кивали знакомые лица, среди них один также в поношенной форме красных фронтовиков. Это был Бехер.

Затем из вагона высыпали люди, в большинстве одетые в потертые костюмы, как у безработных, с рюкзаками или маленькими чемоданчиками в руках. Командир почетного караула отдал команду, но прибывшие, по-видимому, и не подозревали, что им должны оказать подобные почести. Один из них крикнул, стоя еще в дверях вагона: «Да здравствует Советская страна, мать всех трудящихся!»

Я оглянулся на почетный караул. Командир был охвачен общим воодушевлением и смеялся так же непринужденно, как все остальные.

* * *

Еще раньше Бела Иллеш, председатель Международного объединения революционных писателей, говорил мне:

— На подобных международных конференциях принято, чтобы специальные вопросы, касающиеся отдельных стран, рассматривались в особых комиссиях. При этом председательствует всегда кто-нибудь из иностранцев. Сам я буду вести собрания немецкой секции. Ты по-английски говоришь?

— С грехом пополам, — ответил я.

— Тогда тебе придется взять на себя американо-английскую секцию.

— Но я даже не знаю, как будет по-английски «председатель».

— А кто же еще может за это взяться? Ни один из русских писателей не владеет английским, кроме Фадеева, да и тот не очень силен в нем. Он входит в твою секцию. Но, поскольку у американцев есть еще особые трудности, в ваших заседаниях примет также участие заведующая Агитпропом Коминтерна ¹.

* Перевод с немецкого Л. М. Бродской.

Я был напуган. Правда, с Фадеевым мы были в дружеских отношениях, но заведующая Агитпропом Коминтерна, высшей инстанции по агитации и пропаганде, находившейся в Москве... Я представлял себе ее как властную женщину гигантского роста.

Тем временем у меня произошла курьезная встреча с двумя членами моей будущей американо-английской секции. Дело было так: я с одним весьма низкорослым товарищем из Саксонии шел по Красной площади. Здесь мы увидели очень длинного и хорошо одетого господина с дамой, тоже очень высокой и стройной, — они нерешительно топтались на месте. Совершенно очевидно, что это были нерусские, и, вероятно, они искали кого-нибудь, кто бы мог им что-то перевести. Они тоже нас заметили, подошли и представились. Они также приехали на писательскую конференцию.

Пока мы радостно это выясняли, саксонский товарищ с удивлением смотрел снизу вверх на нас, таких высоченных людей, и вдруг принялся весело смеяться. Что бы это значило? Это был добродушный человек, обычно державший себя вполне прилично. Американцы бросили на него сверху вниз недоуменный взгляд. Но так как он не переставал смеяться, мы продолжали нашу беседу.

Тогда он тихо спросил меня:

— Вы говорите правильно?

— Что значит «правильно»?

— Я думал, что вы валяете дурака и только издаете смешные звуки.

— Нет, так звучит английский язык по-американски.

Я перевел американцам слова товарища, и они тоже засмеялись от всей души, после чего мы все вместе отправились бродить по Москве. Каждый раз, когда мы в дальнейшем встречались, мы вспоминали этот случай и с удовольствием пожимали друг другу руки. Но это знакомство поставило меня позже в несколько затруднительное положение. Американо-английская секция в основном состояла из группы неизвестных мне членов нью-йоркского Клуба Джона Рида. Лишь один из них был членом Коммунистической партии, и от него я узнал, что в секции мной недовольны, потому что я дружески общаюсь с чисто буржуазными элементами, то есть с обоими долговыми американцами.

— Но, — возразил я, — именно потому, что они настоящие буржуи, и следует с ними повозиться и постараться привлечь их на нашу сторону.

— Разумеется. К тому же эта женщина — признанная, хорошая писательница. Но, может быть, еще хуже то, что беспартийные члены нашего клуба выступают также против Майкла Голда. И он кажется им слишком буржуазным. А он настоящий пролетарий и работает для «Daily Worker». Его «Еврейская беднота» — хорошая книга. А произведения левых критиканов даже у нас никому не известны.

Эта информация была для меня очень важна, и теперь я стал замечать, что добродушный и приветливый Майкл Голд явно страдает от враждебности членов Клуба Джона Рида. Подобное положение, несомненно, приведет к весьма неприятным выступлениям в американо-английской секции. Как буду я на секционных заседаниях улаживать этот не понятный мне раздор?

* * *

Тем временем мы поехали в Харьков и там состоялся первый пленум, на котором Бехер прочел яркий доклад о необходимости разоблачения империализма.

Вечером мы были приглашены в театр. Давали оперу «Князь Игорь» Бородина. В одном из антрактов меня вызвали и повели за кулисы, потому что директор театра должен был нас приветствовать, а я — отвечать ему.

ЛЮДВИГ РЕНН, Ф. ПАНФЕРОВ И БЕЛА ИЛЛЕШ СРЕДИ ХАРЬКОВСКИХ РАБОЧИХ
В ДНИ ВТОРОЙ МЕЖДУНАРОДНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ РЕВОЛЮЦИОННЫХ ПИСАТЕЛЕЙ

Фотография, 6—15 ноября 1930 г.

Центральный государственный архив кино-фото-фонодокументов, Красногорск

В коридоре я встретил княгиню, супругу Игоря, которая на сцене показалась мне великаншей. Теперь я увидел, что она скорее маленького роста. А вдобавок к своему средневековому одеянию она нацепила на нос пенсне. Затем я попал в ярко освещенный зал. Здесь стояли чуть-чуть одетые люди, по-видимому, артисты балета. Так как я еще никогда не видел ничего подобного, то и принялся с любопытством осматриваться вокруг. Но вдруг, сквозь ослепительный свет рампы я увидел перед собой зрителей, а в первом ряду покатывались со смеху Бехер, Абуш, Вайскопф, Киш, Фадеев и многие другие. Я подумал, что их развеселило то, как непринужденно держусь я, не замечая, что стою на открытой сцене. Из этого затруднительного положения вывел меня стоявший рядом директор, который на превосходном немецком языке произнес свое приветствие. Я отвечал ему, правда, довольно неудачно, ибо казался себе среди малорослых танцовщиц и танцовщиков мучительно высоким. Однако из зрительного зала раздались дружные аплодисменты. Окружавшие меня маленькие и худенькие балерины тоже усердно хлопали.

Все еще смущенный, я вернулся на свое место и только тут узнал, почему так смеялись писатели. В программе было сказано, что в картине ханского гарема князя Игоря будут соблазнять жены Кончака. Но когда занавес поднялся, они среди гаремных дам увидели Людвигу Ренна в форме красных фронтовиков. Киш позже рассказывал всем, что я своим воинственным появлением в гареме произвел такое впечатление на ханских жен, что они тотчас обратились в коммунистическую веру и стали восклицать: «Рот фронт!»

Но вообще наши вечера проходили по-другому. Погибший впоследствии в Испании под именем генерала Лукача венгерский писатель Матэ

Залка в спокойном и серьезном тоне беседовал кое с кем из немцев и предостерегал их от излишнего приспособления к буржуазным вкусам. В большой немецкой группе были не только коммунисты, но и левобуржуазные писатели. Самый выдающийся из них, Эрнст Глезер, получил известность за свой социально-критический роман «Поколение 1902 года».

Однажды на утреннем заседании во время дискуссии он взошел на кафедру. Все напряженно ожидали, что он скажет. Он, которого за его светлые волосы и удлиненный череп ничего не подозревавшие нацисты не раз фотографировали как представителя чистой германской расы, медленно и отчетливо произнес: «До сих пор я говорил: „Руки прочь от Советского Союза“. Но теперь, когда я увидел эту страну, я говорю: „Все руки на помощь Советскому Союзу!“».

Аплодисменты начались не сразу, ибо большинство присутствующих, очевидно, подумало, что эти две фразы были только началом более длительного выступления. Мы здесь привыкли к бесконечным словоизлияниям. Я подумал: «Как было бы здорово этим и ограничиться! Но не слишком ли это много для таких, как Глезер?»

Но так как, столкнувшись здесь с самыми различными мнениями, я не мог как следует разобраться в правом и левом уклонах, то я не стал глубоко раздумывать над этим и с беспокойством ожидал заседания американско-английской секции, на котором должен был председательствовать. Я почувствовал себя немного более уверенным лишь тогда, когда слева от меня занял место мой друг Фадеев, а справа заведующая Агитпропом Коминтерна. К счастью, она не отличалась ни громадным ростом, ни властным видом, скорее было в ней что-то материнское. Против нас плотно, плечо к плечу сидели враги якобы настоящих буржуев и Майкла Голда.

После того как я открыл заседание, один из них медленно попросил слова и подчеркнуто сказал: «Мы, члены Клуба Джона Рида, заявляем, что выполним все указания Коминтерна».

Я перевел его слова заведующей Агитпропом.

Она покачала головой: «Если вы хотите выполнять все указания Коминтерна, то должны вступить в Коммунистическую партию».

Я увидел, как добродушно усмехнулся Майкл Голд.

Затем она продолжала: «Чего мы ждем от наших друзей? Трех условий:

ЭРНСТ ФАБРИ
И ГАРОЛЬД ХЕЗЛОП—
ДЕЛЕГАТЫ АВСТРИИ
И АНГЛИИ

Рисунок художника
Л. А. Зильберштейна
Харьков, 6—15 ноября
1930 г.

Газета «Комуніст», Харь-
ков, 18 ноября 1930 г.

МАЙКЛ ГОЛД

Рисунок Гуго Геллерта

«New Masses», апрель 1930 г.

во-первых, чтобы они не выступали против Советского Союза. Не выступали против!»

Я понял, что, говоря так, она имела в виду Эрнста Глезера и провозглашенный им лозунг: «Все руки на помощь Советскому Союзу!» Остальных двух пунктов, названных ею, я уже точно не помню. Возможно, что они гласили следующее: «Во-вторых, мы требуем от наших друзей, чтобы они не становились фашистами. В-третьих, чтобы они отвергали войну как средство улаживания споров между народами. Ничего больше», — сказала она решительно.

Я был ей глубоко благодарен. Как всё ясно! И как естественно! Никакой декламации, в искренности которой можно было бы усомниться. Она этим так поразила даже ультралевых членов Клуба Джона Рида, что они теперь молчали.

Заседание американско-английской секции было спокойно доведено до конца. После заседания ко мне подошла та же долговязая пара. Американка сказала: «Мы до сих пор совершенно не знали, как реалистически высказывается Коминтерн. Эти требования являются также и нашими требованиями».

Много лет спустя я попал в Нью-Йорк. Там я разыскал Майкла Голда и спросил его, что случилось с той писательской парой.

«Ах, эти! — ответил он. — Они остались нам верны. А взбесившиеся мешане, которые дрались тогда со мной из-за моего „правого уклона“, все скопом ускользнули, удрали, исчезли!» Тогда я рассказал милому Голду, что Эрнст Глезер, этот левый декламатор, но неискренний человек, вернулся из Швейцарии в гитлеровскую Германию с заявлением о своей преданности Третьему рейху. А немецкие товарищи, которых Матэ Залка предостерегал против чрезмерного приспособления к буржуазным вкусам, сохранили и при Гитлере свои революционные убеждения.

* * *

Международное объединение революционных писателей способствовало, таким образом, прояснению умов, а Харьковская конференция была весьма полезной для всех, в том числе и для меня. Ибо на этой конферен-

ции заведующая Агитпропом Коминтерна научила меня, что следует четко формулировать то, чего коммунисты ожидают от своих союзников и друзей. Это необходимо и в области искусства, ибо сначала следует ясно от- дать себе отчет в целях искусства. Найти ответ на этот вопрос — дело коллектива. Когда же ответ будет найден, начнутся поиски материала и формы для его выражения. Их можно найти только индивидуальным путем, и для этого требуется талант.

Берлин-Каульсдорф
17.9.1963

¹ Представителем Исполкома Коминтерна на Харьковской конференции была Серафима Ильинична Гопнер (р. 1880) — активная участница русского революционного движения, один из старейших деятелей Коммунистической партии Советского Союза (вступила в члены РСДРП в 1901 г.). Была делегатом I, II, III, IV, V и VI конгрессов Коминтерна; в 1930 г. — кандидат в члены Исполкома Коминтерна. На конференции С. И. Гопнер выступала дважды: с приветствием от Исполкома Коминтерна (на открытии конференции) и с речью на одном из последующих заседаний (см.: «Литература мировой революции», специальный номер, 1931, стр. 145—148 и 26—31).

П Р И Л О Ж Е Н И Е

Л. РЕНН — Б. ИЛЛЕШУ *
AN INTERBÜRO, GENOSSE ILLÉS

Charkow, 5.11.30

Das Ergebnis der gestrigen Sitzung der anglo-amerikanischen Kommission war folgendes:

- 1) Gewählt wurden einstimmig
als Leiter der anglo-amerikanischen Kommission	Ludwig Renn
» » » Antikriegs-	» Magil (Amerika)
» Mitglied » »	» Heslop (England)
» » » »	» Gropper (Amerika)
» » » französischen	» Bob Ellis (England)
» » » »	» Potamkin (Amerika).

Teilnehmen möchten mehrere Genossen, die deutsch verstehen, an der deutschen Kommission (Magil, Hermann, Herbst). Ob Hermann und Herbst als Gäste teilnehmen können, scheint mir fraglich. Ich habe mich aber nicht dagegen ausgesprochen, weil ich glaube, dass sie doch nicht kommen werden.

2) Die Bedingungen für Aufnahme des John Reed Clubs scheinen den Delegierten eher zu milde als zu scharf. Die Delegation hat keine Vollmacht den Anschluss des Clubs an das Interbüro zu vollziehen¹.

3) Die amerikanische Delegation bittet, ihr den Schriftwechsel zwischen Interbüro bzw. Westnik und Amerika zur Einsicht zur Verfügung zu stellen. Der Grund scheint mir ein Misstrauen gegen M. Gold zu sein. Ich habe darauf aufmerksam gemacht, dass der Schriftwechsel vermutlich nicht nach Charkow mitgenommen worden ist.

4) Ich versuchte, die Haltung des John Reed Clubs Upton Sinclair gegenüber festzustellen und begegnete grosser Abneigung. Es scheint so, — und die Delegierten sagten es

* Помещаем здесь этот отчет Л. Ренна о первом заседании англо-американской комиссии на Харьковской конференции, имеющий прямое отношение к его воспоминаниям. Отчет публикуется по автографу (ИМЛИ, ф. 169, оп. 2, ед. хр. 43, л. 5). Перевод письма на русский язык выполнен редакцией «Литературного наследия». — *Ред.*

direkt, — dass Upton Sinclair kaum in den John Reed Club aufgenommen werden würde. Unter diesen Umständen erscheint es gefährlich oder doch bedenklich, ihn in das Interbüro aufzunehmen, denn er würde dann von einer Sektion des Interbüros abgelehnt, vom Interbüro selbst aber aufgenommen werden. Bei diesem Punkt kam es zu einer Diskussion über das Prinzip der Aufnahme von grossen Namen mit etwas abweichender Ideologie. Da es sich hier um eine Frage handelt, die im John Reed Club diskutiert worden ist, und worüber sie eine Resolution gefasst haben, hielt ich das für keine Angelegenheit der Kommission und verwies sie an die grosse Diskussion im Plenum. Mir erscheint die Sache nicht von grosser Bedeutung.

Die Kommissionsitzung verlief ohne Reibungen oder Störungen. Über die Verteilung der Diskussionsreden zu Punkt 1, 4 und 7 an einzelne Mitglieder konnte noch kein Beschluss gefasst werden, weil man noch nicht weiss, ob M. Gold kommt, und weil die Kommission zum ersten Male vom Programm hörte². Ebenso liegt es mit dem Referat über die amerikanische Literatur³. Diese Dinge vorzubereiten erscheint mir die Aufgabe der nächsten Kommissionsitzung.

Ludwig R e n n

Перевод

В МЕЖДУНАРОДНОЕ БЮРО, ТОВАРИЦУ ИЛЛЕШУ

Харьков, 5.11.30

Вот результат вчерашнего заседания англо-американской комиссии:

1) Были единогласно избраны

председателем англо-американской

комиссии Людвиг Ренн

»	антивоенной	»	Магил (Америка)
членом	»	»	Хезлоп (Англия)
»	»	»	Гроппер (Америка)
»	французской	»	Боб Эллис (Англия)
»	»	»	Потамкин (Америка).

Некоторые товарищи, понимающие по-немецки (Магил, Герман, Гербст), хотели бы участвовать в немецкой комиссии. Мне неясно, могут ли Герман и Гербст, будучи гостями, войти в комиссию. Но я не высказался против этого, потому что думаю, что они все же не придут.

2) Условия для принятия Клубов Джона Рида кажутся делегатам скорее чересчур мягкими, чем чересчур жесткими. Делегация не располагает никакими полномочиями, для того чтобы осуществить вступление Клубов в Международное бюро¹.

3) Американская делегация просит предоставить в ее распоряжение для просмотра переписку между МБРЛ и, соответственно, «Вестником (иностранной литературы)» и Америкой. В основе этого лежит, как мне кажется, недоверие к М. Голду. В ответ на их просьбу я указал на то, что эта переписка не была, вероятно, привезена в Харьков.

4) Я попытался выяснить позицию Клубов Джона Рида по отношению к Эптону Синклеру и встретил решительный отказ. По-видимому, Эптон Синклер — и делегаты прямо говорили об этом — едва ли был бы принят в Клуб Джона Рида. При таких обстоятельствах принятие его в МБРЛ представляется опасным или, во всяком случае, рискованным, так как это означало бы, что секция МБРЛ ему отказала, а само Международное бюро его приняло. По этому пункту развернулись прения о том, какими принципами надо руководствоваться при приеме писателей с крупным именем, но с несколько неустойчивой идеологией. Поскольку здесь речь шла о вопросе, который обсуждался в Клубе Джона Рида и по которому была принята резолюция, я сказал, что этот вопрос выходит за рамки компетенции комиссии, и предложил вынести его на широкое обсуждение пленума. Вопрос этот не кажется мне очень уж существенным.

Заседание комиссии проходило без трений и осложнений. По вопросу о том, кто из участников выступит при обсуждении пунктов 1, 4 и 7, решение еще не могло быть принято, потому что еще неизвестно, приедет ли М. Голд, и потому что комиссия впервые ознакомилась с программой². Так же обстоит дело и с докладом об американской литературе³. Подготовка этих решений составит задачу ближайшего заседания комиссии.

Людвиг Р е н н

¹ Краткие сведения о Клубах Джона Рида и об их взаимоотношениях с МБРЛ — МОРПОм даны в статье А. Н. Николукина (настоящ. том, стр. 459—466).

² По первому пункту повестки дня Харьковской конференции (Отчетный доклад секретариата МБРЛ) из членов англо-американской комиссии выступали А. Б. Магил, У. Грошпер, М. Голд, Б. Эллис; по четвертому («Литературная и политическая платформа МБРЛ») — Г. Хезлоп; по седьмому («Военная опасность и задачи революционных писателей») — М. Голд, Дж. Кьюниц.

³ В программу работы конференции доклад об американской литературе не был включен. По-видимому, доклад на эту тему, подготовленный Голдом, был прочитан на одном из заседаний англо-американской комиссии. Помещенная в № 2 «Литературы мировой революции» статья Голда «Литература современной Америки» тесно связана, очевидно, с этим докладом.